

Диалог с классикой в современной поэзии

Читаем стихотворения Всеволода Зельченко

Всеволод Зельченко

Из цикла "Стихи о русской поэзии"

ПЕРЕДЕЛКИНО

Напоследях по шпалам,
На медленном огне,
Шопеном шестопалым
Сползая по стене, -
Мороз обтянет щеки,
И явятся тогда
Овраги, Териоки,
Пролетная вода.

Кому навзрыд в запруде
Подсвистывать клесту,
Кому поджечь на блюде
Колени к животу,
Кому по гроб аскеза
И чертогон, кому
Дорожное железо
Обмакивать в сурьму.

Очнешься в третьем классе,
Забудешь о себе -
Соломина на платье,
Кровинка на губе;
Ужо тебе, прилежник,
Похмелье во пиру -
Как вечности валежник
У времени в бору.

Мы были нити в пряже.
Я говорю о двух,
Сплетенных так, что даже
Умел голубить слух
Беспошлинный подарок,
Соседней крови ток,
Пока трещал огарок
И двигался уток.

Пора, мой друг! Покоя
Унылая пора!

Уже одной рукою
Не удержать пера,
Уже бежит за нами
Бог времени седой,
Натуралист в панаме,
На ветке козодой.

На полпути, с устатка,
На широте Читы,
Внезапная догадка
Уродует черты -
О чем бишь эта повесть,
Где певчих на плоту
Река уносит в невесть
Какую немоту?

1992

Николай Заболоцкий

Прохожий

Исполнен душевной тревоги,
В треухе, с солдатским мешком,
По шпалам железной дороги
Шагает он ночью пешком.

Уж поздно. На станцию Нара
Ушел предпоследний состав.
Луна из-за края амбара
Сияет, над кровлями встав.

Свернув в направлении к мосту,
Он входит в весеннюю глушь,
Где сосны, склоняясь к погосту,
Стоят, словно скопища душ.

Тут летчик у края аллеи
Покоится в ворохе лент,
И мертвый пропеллер, белея,
Венчает его монумент.

И в темном чертоге вселенной,
Над сонною этой листвой
Встает тот нежданно мгновенный,
Пронзающий душу покой.

Тот дивный покой, пред которым,
Волнуясь и вечно спеша,
Смолкает с опущенным взором
Живая людская душа.

И в легком шуршании почек,
И в медленном шуме ветвей
Невидимый юноша-летчик
О чем-то беседует с ней.

А тело бредет по дороге,
Шагая сквозь тысячи бед,
И горе его, и тревоги
Бегут, как собаки, вослед.

Поезд ушел. насыпь черна.
Где я дорогу впотьмах раздобуду?
Неузнаваемая сторона,
Хоть я и сутки только отсюда.
Замер на шпалах лязг чугуна.
Вдруг — что за новая, право, причуда?
Бестолочь, кумушек пересуды...
Что их попутал за сатана?

Б.Пастернак

«Опять весна»

Из воспоминаний Ариадны Эфрон

«...И все же это было совсем не так, Мариночка», — сказал отец, с великой мукой все в тех же огромных глазах выслушав несколько стихотворений из «Лебединого стана».
«Что же — было?» — «Была братоубийственная и самоубийственная война, которую мы вели, не поддержанные народом; было незнание, непонимание нами народа, во имя которого, как нам казалось, мы воевали. Не «мы», а — лучшие из нас. Остальные воевали только за то, чтобы отнять у народа и вернуть себе отданное ему большевиками — только и всего. Были битвы за «веру, царя и отечество» и, за них же, расстрелы, виселицы и грабежи». — «Но были — и герои?» — «Были. Только вот народ их героями не признает. Разве что когда-нибудь жертвами...»

«Но как же Вы — Вы, Сереженька...» — «А вот так: представьте себе вокзал военного времени — большую узловую станцию, забитую солдатами, мешочниками, женщинами, детьми, всю эту тревогу, неразбериху, толчею, — все лезут в вагоны, отпихивая и втягивая друг друга... Втянули и тебя, третий звонок, поезд трогается — минутное облегчение, — слава тебе, Господи! — но вдруг узнаешь и со смертным ужасом осознаешь, что в роковой суете попал — впрочем, вместе со многими и многими! — не в тот поезд... Что твой состав ушел с другого пути, что обратного хода нет — рельсы разобраны. Обрато, Мариночка, можно только **пешком — по шпалам** — всю жизнь...»

После этого разговора был написан Маринин «Рассвет на рельсах».

Вся дальнейшая жизнь моего отца и была обратным путем — **по шпалам** — в Россию...»

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости — и свай,
Из сырости — и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

М.Цветаева

«Рассвет на рельсах»

О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей **на медленном огне**,
Всех потерявшей, все забывшей, -
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

Ахматова

«Посвящение М.А.Булгакову» («Вот это я тебе, взамен могильных роз»)

И.Анненский

Третий мучительный сонет

Строфы

Нет, им не суждены краса и просветленье;
Я повторяю их на память в полусне,
Они — минуты праздного томленья,
Перегоревшие **на медленном огне.**

Но всё мне дорого — туман их появленья,
Их нарастание в тревожной тишине,
Без плана, вспышками идущее сцепленье:
Моё мучение и мой восторг оне.

Кто знает, сколько раз без этого запоя,
Труда кошмарного над грудой листов,
Я духом пасть, увы! я плакать был готов,

Среди неравного изнемогая боя;
Но я люблю стихи — и чувства нет святей:
Так любит только мать, и лишь больных детей.

1904

Сколько надо отваги,
Чтоб играть на века,
Как играют **овраги**,
Как играет река,

Как играют алмазы,
Как играет вино,
Как играть без отказа
Иногда суждено,

Как игралось подростку
На народе простом
В белом платье в полоску
И с косою жгутом.

Б.Пастернак

«Вакханалия»

Борис Пастернак

Опять весна

Поезд ушел. насыпь черна.
Где я дорогу впотьмах раздобуду?
Неузнаваемая сторона,
Хоть я и сутки только отсюда.
Замер на шпалах лязг чугуна.
Вдруг — что за новая, право, причуда?
Бестолочь, кумушек пересуды...
Что их попутал за сатана?

Где я обрывки этих речей
Слышал уж как-то порой прошлогодней?
Ах, это сызнава, верно, сегодня
Вышел из рощи ночью ручей.
Это, как в прежние времена,
Сдвинула льдины и **вздулась запруда**.
Это поистине новое чудо,
Это, как прежде, снова весна.

Это она, это она,
Это ее чародейство и диво.
Это ее телогрейка за ивой,
Плечи, косынка, стан и спина.
Это Снегурка у края обрыва.
Это о ней из оврага со дна
Льется без умолку бред торопливый
Полубезумного болтуна.

Это пред ней, заливая преграды,
Тонет в чаду водяном быстрина,
Лампой всячего водопада
К круче с шипеньем пригвождена.
Это, зубами стуча от простуды,
Льется чрез край ледяная струя
В пруд и из пруда в другую посуду,-
Речь половодья — бред бытия.

Во вчерашних набросках ему хотелось средствами, простотою доходящими до лепета и граничащими с задушевностью колыбельной песни, выразить свое смешанное настроение любви и страха и тоски и мужества, так чтобы оно вылилось как бы помимо слов, само собою.

Он начал с широкого, предоставляющего большой простор, пятистопника. Независимое от содержания, самому размеру свойственное благозвучие раздражало его своей казенной фальшивою певучестью. Он бросил напыщенный размер с цезурою, стеснив строки до четырех стоп, как борются в прозе с многословием. Писать стало труднее и заманчивее. Работа пошла живее, но все же излишняя болтливость проникала в нее. Он заставил себя укоротить строчки еще больше. Словам стало тесно в трехстопнике, последние следы сонливости слетели с пишущего, он пробудился, загорелся, узость строчных промежутков сама подсказывала, чем их наполнить. Предметы, едва названные на словах, стали не шутя вырисовываться в раме упоминания. Он услышал ход лошади, ступающей по поверхности стихотворения, как слышно спотыкание конской иноходи в одной из баллад Шопена.

Кустарника сгусток не выжат.
По клетке и влюбчивый **клёст**
Зерном так задорно не брызжет,
Как жимолость - россыпью звёзд.

Б.Пастернак
«Счастье»

Вам ли понять,
почему я,
спокойный,
насмешек грозою
душу **на блюде** несу
к обеду идущих лет.
С небритой щеки площадей
стекая ненужной слезою,
я,
быть может,
последний поэт.

Б.Пастернак

Свидание

Засыпет снег дороги,
Завалит скаты крыш.
Пойду размять я ноги:
За дверью ты стоишь.

Одна, в пальто осеннем,
Без шляпы, без калош,
Ты борешься с волненьем
И мокрый снег жуешь.

Деревья и ограды
Уходят вдаль, во мглу.
Одна средь снегопада
Стоишь ты на углу.

Течет вода с косынки
По рукаву в обшлаг,
И каплями росинки
Сверкают в волосах.

И прядью белокурой
Озарены: лицо,
Косынка, и фигура,
И это пальтецо.

Снег на ресницах влажен,
В твоих глазах тоска,
И весь твой облик сложен
Из одного куска.

**Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.**

И в нем навек засело
Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд.

И оттого двоится
Вся эта ночь в снегу,
И провести границы
Меж нас я не могу.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился.

Публика, высыпавшая из вагонов, куча гимназистов — все столпились вокруг вагона, в который садился Лев Николаевич.

— Толстой! Толстой! — пробегало по толпе.

Наконец поезд тронулся. Лев Николаевич с площадки послал Ивану Ивановичу и другим провожавшим воздушный поцелуй и вошел в вагон.

С билетами третьего класса мы ехали во втором, так как в третьем мест не было.

— Это незаконно! — говорил Лев Николаевич.

Он подозревал, что здесь есть «интрига» если не со стороны Софьи Андреевны и нашей, то со стороны железнодорожного начальства. Но «интриги» на самом деле не было: третий класс действительно был заполнен.

Впрочем, кажется, на четвертой остановке места очистились, и нас, по настоянию Льва Николаевича, перевели в соседний **вагон третьего класса**.

Перейдя туда, Лев Николаевич велел поставить на лавку около окна багажную корзину и взобрался на нее. Ему хотелось, чтобы вид, открывающийся из окна, был шире, и он радовался, что ему далеко видно с корзины и «весело».

Сидя на скамье против него, я, как только Лев Николаевич заглядится в окно, внимательно всматривался в его лицо.

И в эти моменты я чувствовал, что я наблюдаю и испытываю что-то необыкновенное. Голова, выражения лица, глаз и губ Льва Николаевича были так необычны и прекрасны! Вся глубина его души отражалась в них. С ним не гармонировали багажная корзина и обстановка вагона третьего класса, но гармонировало светлое и широкое голубое небо, в которое устремлен был взор этого гениального человека.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты вечности заложник
У времени в плену.

Б.Пастернак

«Ночь»

Б.Пастернак

Свидание

Засыпет снег дороги,
Завалит скаты крыш.
Пойду размять я ноги:
За дверью ты стоишь.

Одна, в пальто осеннем,
Без шляпы, без калош,
Ты борешься с волненьем
И мокрый снег жуешь.

Деревья и ограды
Уходят вдаль, во мглу.
Одна средь снегопада
Стоишь ты на углу.

Течет вода с косынки
По рукаву в обшлаг,
И каплями росинки
Сверкают в волосах.

И прядью белокурой
Озарены: лицо,
Косынка, и фигура,
И это пальтецо.

Снег на ресницах влажен,
В твоих глазах тоска,
И весь твой облик слажен
Из одного куска.

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.

И в нем навек засело
Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд.

И оттого двоится
Вся эта ночь в снегу,
**И провести границы
Меж нас я не могу.**

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

По слову активиста кулаки согнулись и стали двигать плот в упор на речную долину. Жачев же пополз за кулачеством, чтобы обеспечить ему надежное отплытие в море по течению и сильнее успокоиться в том, что социализм будет, что Настя получит его в свое девичье приданое, а он, Жачев, скорее погибнет как уставший предрассудок.

Ликвидировав кулаков вдаль, Жачев не успокоился, ему стало даже труднее, хотя неизвестно отчего. **Он долго наблюдал, как систематически уплывал плот по снежной текущей реке**, как вечерний ветер шевелил темную, мертвую воду, льющуюся среди охладелых угодий в свою отдаленную пропасть, и ему делалось скучно, печально в груди. Ведь слой грустных уродов не нужен социализму, **и его вскоре также ликвидируют в далекую тишину**. Кулачество глядело с плота в одну сторону — на Жачева; люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего, счастливого человека на ней. Вот уже кулацкий речной эшелон начал заходить на повороте за береговой кустарник, и Жачев начал терять видимость классового врага.

— Эй, паразиты, прощай! — закричал Жачев по реке. — Про-щай-ай! — отозвались уплывающие в море кулаки.

А.Платонов

«Котлован»

СТИХИ О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Так начинают года в два
Под грубый говорок, под Kleine
Nachtmusik, что полужива
И до поры томится втайне.

Так второпях зовут отца,
Так в пулю всаживают пулю -
Проступят контуры лица
По геральдическому полю,

Так мальчик, игры позабыв
Свои, так нищий Баратынский
На скотской ярмарке вдыхал наперебив
Цыганский гвалт и топот конский,

Трепещет твердь, и бездна бьется.

Барков

Вижу - под окном на ветке
Крошка Батюшков висит
В светлой проволочной клетке...

Воейков "Дом сумасшедших"

Среди наследственных полей
Не так ли ты над самой бездной,
Как безрасчетный дуралей,
Пленился песенкой обозной -

Но скопом двинулись цари,
Партер лопочет, не стихая,
Прорвав кожурку изнутри,
Растет и морщится стихия -
Прощай, немытая Психея!
Что там белеет, говори!

Увы, беспечный аноним
Плодов чернильного пролитья
Иным не выдаст временам -
И черный мальчик входит к нам,
Но не сбывается проклятье.

Так начинают. Года в два

От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, свищут, - а слова
Являются о третьем годе.

Б.Пастернак

«Так начинают. Года в два...»

Как в пулю сажают вторую пулю
Или бьют на пари по свечке,
Так этот раскат берегов и улиц
Петром разряжен без осечки.

Б.Пастернак
«Петербург»

Там целый день разгульный пир;
Там раздаются звуки трубны,
Звенят, гремят литавры, бубны;
Паясы с зыбких галерей
Зовут, манят к себе гостей.

Е.Баратынский
«Цыганка»

Природа нежит вас, как мать своих детей:
Цветите, как в долинах ароматных
Цветут у вас цветы; живите средь **полей**
Наследственных и хижин благодатных!
За рубежом родным утех для сердца нет!

П.А.Плетнёв

Блажен, кто за рубеж **наследственных полей**
Ногою не шагнет, мечтой не унесется...

А.А. Дельвиг

Жена и рой детей
Веселых, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих,
На пиршество несут для радостных гостей
Простой, но щедрый дар **наследственных полей**,
Румяное вино, янтарный мед Гимета...

К.Н.Батюшков

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,

Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает.)

Пушкин

«Сцена из Фауста»

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
**И дольше века длится день,
И не кончается объятье.**

Пастернак

«Единственные дни»